КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
г. Москва
16 АВГ 1985

ХУДОЖНИК А. ЗУБОВ

Сегодня многое в искусстве петровской эпохи уже перестало быть неясным. Время сохранило для нас искусство художников Федора Васильева, Алексея Зубова, Григория Мусикийского, Ивана Никитина и Андрея Матвеева. Им и посвящается книга очерков «Первые художники Петербурга», вышедшая в Лениздате.

Сегодня мы знакомим с некоторыми страницами творческой судьбы Алексея Зубова.

Конец зимы 1711 года. По дороге из древней Москвы в город «Санктпитерсбурх» тянется обоз. На подводах укутанные рогожами тяжелые печатные станы, инструменты. В коробах, проложенных холстиною, крепко увязан ценный многопудовый груз — три с лишним сотни медных гравированных досок. Тут же мастеровые, солдаты для охраны.

Зачем тронулись эти люди в неближний путь? Едут они в город, недавно, всего лишь семь лет назад основанный у Балтийского моря, не своею волею — указом «великого государя, царя Петра Алексеевича». Это он, едва заложив на отвоеванных у шведов берегах новую крепость, создает город — центр просвещения и торговли, заботится о его росте, культуре и процветании.

О печатании книг на новом месте также не забыл подумать царь. В октябре 1710 года он писал в Москву Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину: «Станок друкарный (печатный) с новыми литерами извольте сюда прислать по первому зимнему пути со всем, что к нему принадлежит, так же и с людьми».

И вот едут мастеровые типографии: батынщики — наборщики, набойщики красок, тередорщики — печатники, художники. Среди них — гравер Алексей Федорович Зубов...

В августе 1699 года Зубов становится учеником Адриана Шхонебека, тридцатисемилетнего голландского гравера, энергичного, предприимчивого, европейски образованного. «В Лейденской академии прилежа научился» он философии и истории; знал языки, кроме родного голландского, латинский, французский, немного итальянский и испанский; сам написал и издал книгу с гравюрами. Он был человеком из другого мира, того, к которому русские только начинали приглядываться.

Первое детище гравировальной мастерской Санкт-Петербургской типографии изображает крепость с небольшими шпилями, с флагом и мазанковые дома за широкой гладью реки. И все это — и юный город, и Нева, и корабли, подошедшие к крепости, служит фоном для фигуры летящего Меркурия. Бог торговли Меркурий, или Гермес, трубя в рог, возвещает, что Петербург уже не просто маленькая крепость, зацепившаяся за один из многочисленных островов в устье Невы. Это — новый центр европейской торговли. Не случайно еще в 1703 году щедрой награды удостоились капитаны первых торговых судов, пришедших с товарами в Петербург. Символика античности, еще мало знакомая в России, входит в жизнь русских людей.

***

Посещение Петром только что созданной типографии — естественное следствие его интереса к книгопечатанию и искусству гравирования. Можно думать, что такой визит сопровождался деловой беседой Петра с директором М. П. Аврамовым о будущих изданиях.

С этим приездом Петра в Петербург связана и большая гравюра Зубова — едва ли не самая прекрасная и вдохновенная из его работ — «Изображение брака Петра I и Екатерины Алексеевны».

Васильевский остров, вскоре после основания Петербурга, был подарен Петром А. Д. Меншикову и отобран позднее, когда в 1715 году возникла идея его плановой застройки. Низменный, поросший лесом, трудный для освоения, остров стал местом усадьбы князя. На гравюре видно, что она занимает все пространство от Большой Невы, по которой проходят суда, до Невы Малой. Главное здание на острове — новый каменный дворец-палаты. Строительство его только что закончено или заканчивается (историки архитектуры утверждают, что в 1714 году дворец таким еще не был). Выход из дворца к реке украшают построенные Меншиковым триумфальные ворота со скульптурой и живописью — перспективным видом Гангутского сражения. Ясно, по чьей инициативе исполнена вторая гравюра о вводе пленных судов. Однако сложность в том, что гравюра все-таки посвящена торжественному событию, а не изображению дворца «светлейшего».

***

К концу 1710-х годов помещение типографии разрослось. Основными оставались два мазанковых дома «близ города», то есть у входа в Петропавловскую крепость. Рядом с ними помещались «деревянная светлица, гравильная деревянная да два амбара» — это был типографский двор.

Типография — культурный и художественный центр молодого Петербурга. В книжной лавке можно приобрести книги, отдельные гравюры, карты, картины в рамах. При типографии работает первая петербургская художественная школа. Ее М. П. Аврамов называет «небольшой Академией», созданной «ради общенародной во всяких рукомесленных художествах пользы, ради правильного обучения рисования, иконного, живописного и протчих художеств».

***

1 июня 1751 года одинокий художник, доживший почти до семидесяти лет и переживший своих родных и сверстников, умер. Но его искусство, забытое, казалось бы, не только окружающими, но и самим художником, продолжало жить. В то время, когда Зубов оканчивал свой век в Москве, его преемник Михаил Иванович Махаев рисовал в Петербурге прекрасные виды молодой столицы. Под руководством Ивана Алексеевича Соколова их гравируют ученики Гравировальной палаты Академии наук. Вспоминают ли они при этом гравюры Зубова? Вполне возможно, что нет. Но зубовский Петербург с широкой гладью реки и гордо бегущими по ней кораблями, Петербург, вздымающий в небо шпиль Петропавловской крепости, живет в их произведениях.

А. Зубов. Портрет М. Меншиковой.